

Некрасов Андрей Анатольевич

**СТАНОВЛЕНИЕ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АНГЛО-
АМЕРИКАНСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ.**

**07.00.02 - Отечественная история.
Специальность 07.00.09 – Историография,
источниковедение и вспомогательные исторические
дисциплины;**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Ярославль 2001

Работа выполнена на кафедре новейшей отечественной истории
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Научный руководитель: доктор исторических наук В.П.
Федюк

Официальные оппоненты: доктор исторических наук В.В.
Швецов

кандидат исторических наук
А.И. Ушаков

Ведущая организация: Ярославский государственный
педагогический университет им.
К.Д. Ушинского

Защита состоится ____июня 2001 г. в ____ час. на заседании
диссертационного совета Д 212.002.01 в Ярославском государственном
университете им. П.Г. Демидова, по адресу: г. Ярославль, ул. Советская,
14.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ярославского
государственного университета им. П.Г. Демидова.

Автореферат разослан _____мая 2001 г.

Ученый секретарь М.А. Рутковский
диссертационного совета, доктор
исторических наук, профессор

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Советология сформировалась как научная дисциплина в послевоенный период, достигнув своего расцвета, по крайней мере, по масштабности и широте диапазона исследований, в 1980-е годы. Примерно с середины 1980-х годов, лавинообразно нарастая в 1990-е годы, на Западе широко дискутируется вопрос о прошлых заслугах и просчетах советологии, и о ее будущем. При этом уточняется само понятие советологии, считавшееся ранее как бы априорным, и ставится задача проанализировать этот феномен в историческом плане. В последние полтора десятилетия советология перешагнула границы чисто академической среды (или политического “истэблшмента”, если мы говорим о наиболее политизированной американской советологии) и стала достоянием общественности, вначале западной, а затем и советской (русской). Во многом это было связано с радикальным поворотом в советско-американских отношениях во второй половине 1980-х годов, сопровождавшимся не только концом “холодной войны”, но и беспрецедентным развитием “народной дипломатии”, широких контактов на разных уровнях между населением России и западных стран. Образно говоря, в состав достаточно замкнутой “касты” советологов-профессионалов влились массы “советологов-практиков”, получивших возможность проверить на собственном опыте правильность сложившихся ранее представлений о России.

С другой стороны, советолог стал “своим” человеком в России, получил возможность общаться с российской аудиторией напрямую, без посредничества “специалистов по критике буржуазных фальсификаторов”. В конце 80-х – начале 90-х годов Россия превратилась в своеобразный “полигон” для проверки советологических концепций. Они использовались не только на практике, в процессе демократических преобразований в СССР, но и послужили неисчерпаемым “кладезем” информации о “белых пятнах” (или “черных дырах”) советской истории и ее многообразных интерпретаций. Можно сказать без преувеличения, что советологические исследования не просто повлияли на советскую “перестроечную” историографию, но и практически безраздельно господствовали в отечественной исторической науке примерно до середины 1990-х годов.

Следует заметить, что такое сильное влияние – это закономерное явление, вызванное, с одной стороны, жестким партийно-государственным контролем над исторической наукой в СССР в течение многих десятилетий, помешавшим выработать хоть сколько-нибудь адекватное представление о советском обществе и политике 30-

х годов, послевоенного периода, а также о многих других проблемах советской истории. С другой стороны, здесь проявилась традиционная убежденность россиян в том, что все лучшее и самое прогрессивное приходит с Запада. Как это обычно и бывает в подобных случаях, вскоре началась реакция «отторжения», вылившаяся в резкую критику советологии в целом либо отдельных ее направлений.¹ В ответ было опубликовано несколько статей российских авторов в защиту советологии.²

Оживленная полемика о советологии, как в России, так и за рубежом, как нельзя лучше свидетельствует о значительном общественном интересе к этой науке, даже если он и проявляется в форме резкой критики. Сейчас, как никогда ранее, предоставляется возможность показать не только негативную сторону советологии (о чем писали уже неоднократно), но и ее достижения, созданный ею в течение десятилетий потенциал, позволяющий в настоящее время изучать советскую историю на новом, более высоком научном уровне.

Цели и задачи исследования. Целью диссертации является по возможности полное и всестороннее изучение истории советологии, ее идейной и организационной эволюции, ее вклада в изучение советской истории. Из поставленной цели вытекают следующие задачи:

- выявить особенности советологии как научной дисциплины;
- показать условия ее возникновения и развития, как интеллектуальные и социальные, так и политические;
- рассмотреть процесс формирования материальной базы советологии: периодических изданий, научных центров с библиотеками и архивами по русской и советской истории, источники и масштабы финансирования советологических исследований;
- очертить проблематику исследований советологов, проследить ее изменение и расширение в процессе эволюции советологии, влияние политики и социального заказа, а также внутренних факторов ее развития на тематику исследований;
- проследить возникновение школ и направлений в советологии, выявить их специфику, различные аспекты их взаимодействия;
- показать интеллектуальный и творческий потенциал советологии,

¹ Лукин А.В. Англоязычная советология и общественные науки в России// США: Экономика, политика, идеология. 1995. №9; Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика «ревизионистского» подхода)// Отечественная история. 1998. №5.

² См. статьи Ю.И. Игрицкого, Н.В. Щербань, А.К. Соколова и И.Н. Олегиной в: Отечественная история. 1999. №3.

- выявить заслуги выдающихся советологов различных поколений и школ в изучении истории советского общества;
- проанализировать причины периодических кризисов советологии и попытки их преодоления.

Методология исследования. В качестве методологии исследования использован системный подход, позволяющий рассматривать советологию как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимозависимых «подсистем» (различные исследовательские «школы» и направления, теоретические модели, личности выдающихся советологов и т.д.). Эта система постоянно эволюционирует, обладая как внутренними механизмами саморазвития, так и под воздействием внешних факторов (например, политика и идеология, западное общественное мнение). Рассматривая советологию как исторический феномен, мы пытаемся анализировать взаимодействие всех факторов ее развития в хронологической последовательности. Те же принципы могут быть применены и при исследовании взаимоотношений между западной советологией и отечественной историографией советской истории, которые также находятся в системном единстве и неоднократно проявляли схожие черты в своем развитии (например, определенное сходство между официальной советской и западной «тоталитаристской» историографией, в частности их детерминистский характер, на что обращали внимание многие исследователи).

Другой принцип, которому мы старались неуклонно следовать, - это «деполитизация» истории советологии. Это никоим образом не означает, что мы игнорируем политический аспект советологии, да это и невозможно в принципе. Тем не менее, в данном исследовании работы советологов, их вклад в науку оцениваются в зависимости от новизны поставленных авторами проблем, оригинальности мышления, аргументированности выводов, независимо от того, к какому направлению в советологии они принадлежали или какой политической ориентации придерживались. Следует также учитывать время, когда эти работы были написаны, и оценивать их достоинства применительно к эпохе, ее запросам и веяниям, а не в соответствии с некими идеальными вневременными критериями. Такое отношение позволяет, на наш взгляд, избежать высокомерных и, к сожалению, широко распространенных, оценок с точки зрения сегодняшнего знания и опыта, когда обязательно окажется, что автор что-то «упустил из виду», чего-то «не учел» или «не смог правильно отразить».

Источниковая база. В качестве источников для подготовки диссертации использованы, прежде всего, работы советологов по различным аспектам истории советского общества. Пожалуй, нет таких проблем в советской истории, которые не нашли бы отражение в советологических исследованиях, тем не менее нетрудно выявить ряд безусловно приоритетных тем, даже целых блоков: Октябрьская революция, индустриализация и коллективизация, сталинизм и террор, политические портреты Ленина, Сталина, Троцкого, в значительно меньшей степени - других видных большевиков, социалистическая оппозиция большевизму, Хрущев и борьба за власть в советском руководстве в 1950-е годы. В последние два-три десятилетия, наряду с указанными темами, активно разрабатываются такие проблемы как история советской культуры, НЭП, социальная политика, национальные движения и национальная политика советского руководства, экономическая политика, «перестройка» в СССР и личность Горбачева. С конца 1980-х годов развитие советологии становится в высшей степени противоречивым: с одной стороны, происходившие в то время в СССР эпохальные и для большинства специалистов совершенно непредвиденные события усилили интерес к советской истории и современности, а открытие для исследователей советских архивов привело к существенному расширению тематического диапазона советологических исследований, с другой - распад СССР углубил начавшийся несколько ранее кризис советологии и даже поставил под сомнение правомерность ее существования как отдельной научной дисциплины. Эти противоречия и сомнения проявились в оживленных и страстных дискуссиях в среде советологов, мучительных поисках ими выхода из сложившейся ситуации, смене парадигмы исследований. Одним из результатов такой трансформации стало «увлечение» советологов историографическими проблемами, означающее не просто включение историографических разделов в их работы, а именно исследование тех или иных проблем советской истории в историографическом ключе.³

Сопоставление различных трактовок одних и тех же исторических проблем в западной советологии в разные периоды времени дает интереснейшую возможность проследить не только ее связи с политикой, что делалось уже неоднократно, но и смену поколений в советологии, а также ее взаимодействие с отечественной историографией. Кроме того, безусловно, работы советологов

³ См., например: Acton E. Rethinking the Russian Revolution. L., 1990; Ward Ch. Stalin's Russia. L., 1993; Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to Lenin Mausoleum. Cambridge, Mass., 1999.

свидетельствуют в равной, если не большей, степени о том времени, когда они были написаны, чем о тех проблемах советской истории, которые в них рассматриваются. Однако, невозможно показать «живую» историю советологии, основываясь только на трудах советологов. Необходимо также воссоздать «историографическую ситуацию», то есть по возможности рассмотреть условия развития «советских исследований» на Западе, формирования «школ», направлений, исследовательских центров и программ, источники их финансирования, биографические детали и психологические характеристики крупнейших советологов, их привычки и пристрастия, особенности их исследовательских подходов. В какой-то степени это представляется возможным при использовании, с одной стороны, официальных документов (исследовательских планов, отчетов и т.п.) западных университетов и советологических центров, с другой - документов личного характера (воспоминания, дневники, переписка и т.п.).

Из документов, относящихся к первой из перечисленных групп, автор имел возможность ознакомиться с материалами, относящимися к созданию и деятельности Русского исследовательского центра при Гарвардском университете. Это и списки сотрудников центра, профессоров и аспирантов, и библиография их трудов, исследовательские планы, а также отчеты о деятельности Русского исследовательского центра за каждое десятилетие его существования. Указанные документы позволяют проследить, какие направления советологических исследований были приоритетными в Гарварде в конце 1940-х - начале 1950-х годов, как они трансформировались с течением времени и под влиянием политической ситуации, из каких источников финансировалась деятельность центра, как изменялся штат его сотрудников. За исключением опубликованных отчетов Русского исследовательского центра⁴ все вышеуказанные документы находятся в архиве Гарвардского университета.⁵

Необходимо упомянуть также и документы официального характера, относящиеся к основанию одного из важнейших советологических периодических изданий - американского журнала «Russian Review»: списки потенциальных сотрудников и подписчиков журнала, с краткой характеристикой каждого из них, рекламные листки с кратким изложением программы издания и его характера, переписка редакторов с руководством университетов, издательств, финансовых

⁴ The Russian Research Center. Harvard University. The First Decade: 1948-1958. Cambridge, Mass., s.a.; The Second Decade: 1958-1968. Cambridge, Mass., s.a., и т.д.

⁵ Harvard University Archives. Russian Research Center Collection.

корпораций, американскими политическими деятелями, направленная на изыскание средств на издание журнала и места публикации. Документы относятся преимущественно к 1939-1941 годам и дают возможность показать драматическую историю становления первого в США солидного журнала о России, ее истории, культуре, политике и экономике, а также выявить уровень интереса американской публики к Советскому Союзу накануне и в начале второй мировой войны. Эти документы находятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира.⁶

Еще одним важнейшим видом источников являются мемуары, достаточно широко используемые в диссертации. Это в первую очередь воспоминания советологов, как опубликованные,⁷ так и находящиеся в архивах.⁸ Воспоминания и дневники советологов содержат ценную информацию о деятельности советологических центров, о различных школах и направлениях в советологии, множество биографических деталей, размышлений, позволяющих полнее представить взгляды автора на те или иные аспекты советской истории, а также проследить эволюцию этих взглядов (разумеется, если такая эволюция имела место). Так, в дневнике Мерла Фэйнсод, составленном во время его визита в СССР в 1956 году, довольно подробно записаны его наблюдения о тех изменениях, которые произошли в советском обществе с конца 1930-х годов, впечатления от встреч с советскими чиновниками, преподавателями и студентами высших учебных заведений, прохожими на улицах. Судя по дневнику, Фэйнсод находился во время этой поездки в состоянии некоторого замешательства, не находя многих элементов тоталитаризма в СССР, которые он ожидал найти. Вспомним, что за три года до этого Фэйнсод опубликовал книгу «Как правят Советским Союзом», ставшую классикой «тоталитаристской» советологии. Трудно сейчас судить о том, в какой степени Фэйнсод пересмотрел свои прежние взгляды в 1960-е годы (пролить на это свет, безусловно, могли бы документы из личного архивного фонда Фэйнсод, находящегося в архиве Гарвардского университета, но из-за бюрократических проволочек нам, к сожалению, не удалось получить к ним доступ), но сам факт их эволюции не вызывает сомнений. В этой связи поступок Джерри Хафа,

⁶ Hoover Institution Library and Archives. The Russian Review collection.

⁷ См., например: Hazard J. N. *Recollections of a Pioneering Sovietologist*. N.Y., 1984; Byrnes R. F. *A History of Russian and East European Studies in the United States: Selected Essays*. Lanham, MD, 1994.

⁸ Harvard University Archives, Russian Research Center Collection, Merle Fainsod's Russian Diary, 1956; London School of Slavonic and East European Studies Archives, Dorothy Galton Collection.

переработавшего в ревизионистском духе вышеупомянутую книгу Фэйнсоды и издавшего ее в 1979 году под названием «Как управляют Советским Союзом», уже не выглядит столь необоснованным.

В высшей степени интересны документы из архива Дороти Галтон, которая на протяжении 33 лет, с 1928 до 1961 года, была секретарем Лондонской школы славяноведения, а также личным секретарем первого директора Школы сэра Бернарда Пэйрса. Среди них следует назвать в первую очередь «Заметки к истории Школы славяноведения», написанные в 1981 году и представляющие собой очерк по истории Школы, основанный в значительной степени на личных воспоминаниях Галтон. «Заметки» содержат подробнейшие сведения о Б. Пэйрсе, Д. М. Святополк-Мирском, с которым Д. Галтон была очень дружна, и других сотрудников Школы, о серьезных проблемах, возникавших в деятельности Школы славяноведения в разные годы. Ценный материал о состоянии славяно- и руссиеведения в американских университетах содержится также в дневнике Дороти Галтон, который она вела во время поездки в США в мае-июле 1945 года, а также в ее отчете о поездке, подготовленном для Фонда Рокфеллера.

Много интересных подробностей о становлении советологии в послевоенной Америке, в частности, во времена сенатора Джозефа Маккарти, приводят в своих воспоминаниях профессор Колумбийского университета Джон Н. Хазард, специалист по истории советского права, и Роберт Ф. Бирнс, один из лидеров американской советологии в 1950-е - 1980-е годы. Помимо своей активной и весьма разнообразной научной деятельности (заслуженный профессор русской истории), Бирнс в разное время руководил советологическими центрами при Нью-Йоркском, Индианском университетах, избирался президентом Американской ассоциации католических историков и Американской ассоциации славяноведения (AAASS).⁹ В период с 1994 по 2000 год автору диссертации удалось лично побеседовать с рядом ведущих американских и британских советологов, таких как Ричард Пайпс, Марк Филд, Владимир Тремль, Уильям Чейз, Роберт Дэвис, Эдвард Эктон, Джон Биггарт и многие другие. Сведения, полученные в ходе этих бесед, также использованы в работе.

И, наконец, нельзя не отметить важность такого источника, как периодические издания. Наиболее важными для нашего исследования являются издания, посвященные России и Советскому Союзу, а также Восточной Европе в целом: британский журнал «The Russian Review» (1912-1914), а также одноименный американский журнал, издающийся с

⁹ Американские советологи. Справочник. М., 1990. С. 16-17.

1941 года и по сей день, американский журнал «Slavic Review», выходящий с 1922 года до начала второй мировой войны в Великобритании под названием «The Slavonic Review», британский журнал «Soviet Studies» (1949-1991; с 1993 года выходит под названием «Europe–Asia Studies»), политологический журнал «Problems of Communism», и другие. Кроме того, время от времени материалы, относящиеся к советологии, появляются на страницах общественно-политических журналов («National Interest», «New Left Review», «World Affairs», «World Politics»), а также газет «New York Times», «New Republic» и других. Определенный интерес представляют и русские эмигрантские издания, особенно меньшевистский «Социалистический вестник», в котором в 1920-е - 1930-е годы больше всего появлялось материалов о советской экономике и политике.

Историографический обзор. Исследовательских работ, посвященных отдельным аспектам истории англо-американской советологии, немного. В 1920-е -1930-е годы появлялись лишь немногочисленные обзорные статьи в «Slavonic Review» о развитии славяноведения в англоязычных странах, преимущественно филологии и лингвистики.¹⁰ Это и понятно, ведь анализировать было еще практически нечего. Одной из первых серьезных работ на эту тему стала небольшая по объему, чуть больше ста страниц, книга Кларенса Мэннинга «История славяноведения в Соединенных Штатах»¹¹

Первые исследовательские работы, посвященные советологии, вышли в свет в 1960-е годы.¹² Наиболее значительной из них был сборник статей о состоянии советологии в США, Великобритании, Франции и некоторых других европейских странах.¹³ Методологическим проблемам общественных наук, в том числе и советологии, был посвящен и очень серьезный сборник статей под редакцией Фредерика Флерона «Исследования о коммунизме и общественные науки: очерки методологии и эмпирической теории»¹⁴ Материалы сборника являлись попыткой отреагировать на политические изменения в советском обществе при Хрущеве и раннем

¹⁰ См., например: Kerner R.J. Slavonic Studies in America// The Slavonic Review. 1924. Vol. III. №8

¹¹ Manning C. A History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee, 1957.

¹² Laqueur W. The Fate of the Revolution. Interpretations of Soviet History. N.Y., 1967; The State of Soviet Studies. W.Laqueur and L.Labeledz, eds. Cambridge, MA, 1965.

¹³ The State of Soviet Studies. W.Laqueur and L.Labeledz, eds. Cambridge, MA, 1965.

¹⁴ Communist Studies and the Social Sciences. Essays on Methodology and Empirical Theory. F. Fleron, Jr., ed. Chicago, 1969

Брежнев. Главная проблема состояла в значительно более сложном и менее предсказуемом развитии советского общества, чем это представлялось ранее. Фактически книга явилась первым симптомом кризиса советологии, сопровождавшегося, с одной стороны, сокращением финансирования советологических исследований и некоторым снижением интереса к Советскому Союзу на Западе, с другой - появлением альтернативных концепций советской истории и политики (теории «групповых интересов», «модернизации» и др.). В это же время завязывается дискуссия о том, что же такое «советология» и чем она должна в первую очередь заниматься: изучать советское прошлое, современную политическую и экономическую системы в СССР или предсказывать будущее? Дискуссия эта продолжается и по сей день, и явно зашла в тупик. Характерным проявлением этой «тупиковости» является появление спустя тридцать лет книг и статей о советологии почти с теми же названиями, написанных зачастую теми же авторами, в которых вновь и вновь выдвигаются те же идеи.¹⁵

С середины 1960-х до середины 1980-х годов за пределами вышеупомянутой дискуссии «о судьбах советологии» на Западе практически не появлялось исследований по историографии советской истории, за исключением нескольких книг по историографии Октябрьской революции.¹⁶

В книге Уолтера Лакера «Судьба революции» рассматривалась западная историография Октябрьской революции. Будучи весьма обстоятельным, исследование Лакера все же выдержано в «тоталитаристском» духе, с жесткой критикой работ, не укладывающихся в рамки «тоталитаристской» концепции (Э. Карра, И. Дойчера), вследствие чего политизированные оценки преобладают, несмотря на многократно декларированное Лакером стремление к объективности. М. Малия, принадлежащий к тому же кругу авторов, что и Лакер, пытается создать видимость объективности, рассматривая различные концепции революции, в том числе и «тоталитаристскую», как бы со стороны, не примыкая ни к одной из них.

¹⁵ См., например, статью Дж. Бреслауэра «В защиту советологии» (Post-Soviet Affairs. 1992. Vol. VIII. №3) и сб. статей под редакцией Ф. Флерона и Э. Хоффмана «Посткоммунистические исследования и политология: методология и эмпирическая теория в советологии» (Boulder, CO, 1993).

¹⁶ Laqueur, Walter. The Fate of the Revolution; Малия, Мартин. К пониманию русской революции. Лондон, 1985.

Тем не менее, автор приходит к типичному для «тоталитаристской» историографии выводу: советский режим не был способен к либерализации даже в малейшей степени, ибо это привело бы к крушению всей системы. Поэтому он и прибегал постоянно к мимикрии, проводя одновременно широкую военную экспансию, необходимую для укрепления советской системы.¹⁷

В середине 1980-х годов была издана нашумевшая книга Стивена Коэна «Переосмысливая советский опыт: история и политика после 1917 года»¹⁸. Книга призвана была, правда, в достаточно вежливой форме, дискредитировать «ортодоксальную» советологию и сформулировать кредо нового, «ревизионистского» поколения советологов. Коэн не ставил перед собой задачи написать историю советологии как таковую, хотя он и отметил необходимость такого исследования в принципе. Автор сосредоточил внимание преимущественно на политизации и «служебном» характере «старой» советологии, которая в основном выполняла правительственный заказ по борьбе с коммунизмом. Крайне субъективная по духу (мы полагаем, намеренно), книга Коэна существенно примитивизировала взгляды оппонентов, представляя в то же время «ревизионистов» в наилучшем свете. Тем не менее, в основном с автором можно было согласиться, - советская история действительно была далеко не столь однозначна, как это представляли себе и описывали советологи-«тоталитаристы».

Коэн добился главного: к проблемам советологии было привлечено внимание академического сообщества, и вскоре разразилась многолетняя дискуссия, которая и сейчас далека от завершения. Разумеется, не только труд Коэна был этому виной, но и «горбачевская перестройка», открытие советских архивов, распад СССР и другие события, происходившие на территории бывшего СССР в 1990-е годы. В ходе этой дискуссии появилось великое множество книг и статей о советологии, носивших ярко выраженный полемический характер. Большинство авторов, как и С. Коэн в свое время, выражали надежду, что когда-нибудь объективное историческое исследование о советологии будет написано.

К сожалению, в мировой историографии очень мало отдельных исследований, посвященных выдающимся советологам и россиеведам.¹⁹

¹⁷ Там же. С.285.

¹⁸ Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. N.Y., 1985.

¹⁹ Haslam, J. The Vices of Integrity: E.H. Carr, 1892-1982. L., 1999; Horowitz, D. Isaac Deutscher: The Man and his Work. L., 1971; Wolfe, B. D. Breaking with Communism: The Intellectual Odyssey of Bertram D. Wolfe. Stanford, CA, 1990; Engerman, D. William Henry Chamberlin and Russia's Revolt against Western Civilization// Russian History. 1999. Vol. 26. №1.

соотношению к западным авторам, она была сплошь заполнена пропагандистскими штампами, специфической лексикой, характеризующей деятельность «фальсификаторов» («силятся доказать», «клеветают», в лучшем случае - «хотят разобраться, но не могут»!).²⁰ На этом фоне очень странно смотрелись те немногие исследования, где советские историки пытались объективно анализировать статью, книгу или творчество в целом того или иного советолога. К таким работам следует отнести статью А.М. Неймана о методологии Эдварда Карра, опубликованную в знаменитом методологическом сборнике «Историческая наука и некоторые проблемы современности», подготовленном сектором методологии Института истории под руководством М.Я. Гефтера.²¹ Статья написана весьма квалифицированно и дает неплохое представление об очень влиятельной на Западе, но практически недоступной советскому читателю книге Карра «Что такое история?».²² Автор очень мягко критикует Карра за его заблуждения, и совершает при этом три непростительных для советского историка ошибки: во-первых, называет Карра «крупным» историком; во-вторых, в названии статьи вместо слова «буржуазная» ставит «немарксистская историческая мысль»; в-третьих, положительно отзывается о методологическом труде «буржуазного» автора, то есть косвенно ставит правильность марксистско-ленинской методологии под сомнение. Впрочем, не только статья Неймана, но и весь сборник выглядит «подозрительно» с точки зрения советской идеологии. Неудивительно, что книга эта была подвергнута резкой критике, а сектор методологии закрыт.

Небезынтересна в некотором отношении и книга Б.И. Марушкина «История и политика. Американская буржуазная историография советского общества».²³ Автор не только критикует работы американских историков и политологов о революции, социалистическом строительстве 1930-х годов и второй мировой войне (впрочем, в традиционном для советской историографии

²⁰ Александрова Т.А., Соболев Г.Л. Вопросы истории социалистического строительства в СССР в американской буржуазной литературе// Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 3. М.-Л., 1961; Ваксер А.З., Скляр Л.Ф. Против извращения истории классовой борьбы в СССР при переходе к нэпу// Там же; Шишкина И.М. Современная буржуазная историография о Советском государстве в начале 1920-х годов// Там же. Вып. 14. Л., 1973 и др.

²¹ Нейман А.М. Некоторые тенденции развития современной немарксистской исторической мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э.Х. Карра// Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

²² Carr E.H. What is History? L., 1962.

²³ Марушкин Б.И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969.

«разоблачительном» духе), но и посвящает отдельные главы характеристике некоторых советологических центров в США и основных концепций советологии.

«Критическая» литература 1970-х - 1980-х годов исчисляется многими десятками наименований. В эти годы советскими историками был сделан шаг вперед в «исследовании» советологии – она уже не подвергалась огульной критике, а была разделена на два направления: консервативно-реакционное (Ричард Пайпс, Леонард Шапиро и др.) и либерально-объективистское (Эдвард Карр, Моше Левин и др.). Различие этих двух направлений, по мнению советских «критиков», состояло в том, что если представители первого сознательно фальсифицировали советскую историю, то «объективисты» действительно хотели в ней разобраться, но не смогли этого сделать в силу своего буржуазного происхождения.²⁴

Из массы советской «разоблачительной» литературы 1970-х – 1980-х годов можно выделить исследования таких авторов, как Ю.И. Игрицкий, Н.В. Щербань, Г.З. Иоффе и некоторые другие, если и не очень отличавшихся от основной массы подобных работ по тону критики, то, по крайней мере, весьма информативных и добросовестно подготовленных. Они зачастую были едва ли не единственным источником информации для читателей о том, что происходит в зарубежной историографии.

Перестройка не сразу внесла сколько-нибудь существенные изменения в советские исследования о буржуазной историографии. Почти до конца 1980-х годов советологов продолжали клеймить почти в тех же выражениях, что и раньше, правда, ссылаясь теперь уже на указания М.С. Горбачева и решения XXVII съезда КПСС. В то же время в периодических изданиях, как специализированных исторических, так и общегуманитарного профиля, публиковались материалы «круглых столов» по проблемам западной историографии, интервью с советологами, началось издание книг зарубежных авторов.²⁵

Впрочем, ситуация на рубеже 1980-х - 1990-х годов менялась довольно быстро. На советского человека обрушился поток новой исторической информации, в которой трудно было ориентироваться, иногда она повергала в шок. Отечественная историография находилась

²⁴ См., например, Щербань Н.В. Об эволюции буржуазных оценок нэпа// Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974.

²⁵ Коэн, Стивен. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988; Рабинович, Александр. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Карр, Эдвард. История Советской России. Книга I. Большевицкая революция (1917-1923). Т.1-2. М., 1990; Он же. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929. М., 1990.

в состоянии прострации, «доперестроечные» советские учебники устарели, а новые не издавались, практически не появлялось оригинальных отечественных исследований, а страницы исторических журналов заполнялись материалами «круглых столов», историческими очерками, объемистыми мемуарами и т. д. Это был звездный час советологов. Они получили свободный доступ в российские архивы, на телевидение, по учебникам, написанным зарубежными авторами, учились российские студенты. Любые советологические концепции, даже давно устаревшие, воспринимались в России как откровение, истина в последней инстанции.

Российская историография начала «выздоровливать» и освобождаться из под влияния советологии в середине 1990-х годов, когда сама советология находилась в состоянии тяжелого кризиса. Во второй половине 1990-х годов не только появляется множество оригинальных российских конкретно-исторических исследований, но и исследований в области методологии истории. В это же время выходит ряд работ о советологии, иногда резко критических.²⁶ Вероятно, в этом проявился своеобразный комплекс неполноценности некоторых российских историков, реакция на засилье советологов в отечественной историографии лет десять-двенадцать назад. Таким образом, до сих пор не существует исследований, в которых был бы предпринят комплексный и объективный анализ советологии как науки.

Хронологические рамки работы. Хронологические рамки работы формально не обозначены, поскольку являются самоочевидными. Поскольку первые советологические исследования появляются одновременно с возникновением советского общества, а последние еще не написаны, то диссертация включает временной промежуток с конца 1910-х до конца 1990-х. Нам представляется практически невозможным ограничить историческое исследование советологии более узкими рамками, так как в этом случае теряется динамика ее развития.

В то же время для того, чтобы показать истоки советологии, нам иногда приходится (в первой главе) возвращаться коротко к событиям конца XIX – начала XX века.

Научная новизна и практическая значимость работы. В диссертации впервые предпринята попытка исследования советологии

²⁶ См., например: Лукин А.В. Англоязычная советология и общественные науки в России// США: Экономика, политика, идеология. 1995. №9; Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика «ревизионистского» подхода)// Отечественная история.1998. №5.

как целостного исторического феномена, от ее возникновения до наших дней. Новизной отличается и подход автора к теме исследования. В то время как большинство исследований, касающихся советологии, носят либо справочный, либо резко полемический характер, данная диссертация посвящена не политическим, а историографическим аспектам советологии.

Некоторые архивные материалы, использованные в работе, впервые вводятся в научный оборот. К таковым можно отнести, например, документы из архивного фонда одного из ведущих американских советологических изданий – журнала “Russian Review”, хранящиеся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира, а также ряд документов из фонда Русского исследовательского центра Гарвардского университета, в частности дневник виднейшего американского советолога 1950-х – 1960-х гг. Мерла Фэйнсоды, составленный во время его поездки в СССР в 1956 году. Впервые используются в диссертации и материалы из архива секретаря Лондонской школы славяноведения Дороти Галтон (библиотека Школы славяноведения Лондонского университета).

Результаты исследования могут быть использованы (и уже с успехом используются автором) в преподавании курса зарубежной историографии истории советского общества. Кроме этого, материалы диссертации могут быть полезны историкам, разрабатывающим те или иные аспекты советской истории, и позволят им учитывать достижения и мнения британских и американских специалистов по исследуемым вопросам. И, безусловно, данное исследование может способствовать лучшему взаимопониманию и конструктивному диалогу между российскими и зарубежными историками.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования отражены в публикациях автора. Они также используются в специальных курсах по зарубежной советологии, читаемых автором в течение ряда лет на историческом факультете Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Автор многократно выступал по различным аспектам данной темы с докладами на региональных и международных конференциях, в том числе на конференции в г. Денвере (Колорадо), организованной Американской ассоциацией славяноведения (ноябрь 2000 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении содержится обоснование темы исследования, формулируются его цели и задачи, методология, научная новизна. Приводится характеристика источниковой базы и анализируется степень изученности темы.

В первой главе рассматриваются предпосылки возникновения советологии. Своими корнями она уходит в американское и британское славяноведение конца XIX – начала XX века. В течение первой половины XX века в США и Великобритании создавалась интеллектуальная и отчасти материальная база для изучения России. Начинается изучение русского языка, русской истории и культуры в ряде университетов, подготовка научных и преподавательских кадров, давших, вместе с русскими учеными-эмигрантами, первое поколение специалистов по России и Советскому Союзу.

Изучение русской истории начинается в США относительно поздно, на несколько десятилетий позднее, чем во Франции и Германии. Тем не менее, к началу первой мировой войны были уже открыты кафедры русского языка и литературы в трех крупнейших американских университетах – Гарвардском, Колумбийском и Калифорнийском (Беркли), а в двух из них – Калифорнийском и Гарвардском – преподавалась история России.²⁷ После первой мировой войны и революции 1917 года в России американское россиеведение поднялось на новую ступень: при Стэнфордском университете создается первый специализированный центр по изучению проблем, связанных с войной и послевоенным урегулированием в Европе – Гуверовский институт войны, революции и мира. При нем складывается постепенно солидная библиотека и архив с богатой коллекцией книг и документов о России.²⁸

В Великобритании развитие славяноведения и россиеведения в начале XX века также сопровождалось большими трудностями. В нескольких британских университетах, в первую очередь, в Лондонском и Ливерпульском, где имелись славяноведческие факультеты, преподавали русский язык, история же России изучалась, как правило, в курсе европейской истории. Правда, с 1912 по 1914 год усилиями профессора Бернарда Пэйрса в Лондоне издавался журнал о России – “The Russian Review”, однако в то время журнал не вызвал в Англии большого интереса.

²⁷ Gleason A. Russian and Soviet Studies in the United States // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Wiczynski J.L., ed. Vol. 34. Gulf Breeze, FLA., 1983. P. 45

²⁸ Sworakowski W.S. The Hoover Library collection on Russia. Collection Survey, №1. Stanford, 1956.

К концу 20-х годов лекции по русской истории и культуре читались в целом ряде американских и британских университетов, сложился небольшой круг специалистов по России (Арчибальд Кулидж, Роберт Кернер, Сэмюэл Харпер, Джероид Робинсон и Эрнест Симмонс в США, Б. Пэйрс и Невил Форбс – в Великобритании). К этому времени число экспертов по России выросло также за счет русских эмигрантов – Михаила Флоринского, Георгия (Джорджа) Вернадского, Михаила Карповича, Михаила Ростовцева, обосновавшихся в крупнейших американских университетах (Гарвард, Йельский, Колумбийский). Историк-медиевист Михаил Трофимов и выдающийся филолог Дмитрий Святополк-Мирский работали соответственно в Манчестерском и Лондонском университетах. В начале 20-х годов Пэйрс начал издавать в Лондоне славяноведческий журнал “The Slavonic Review”. В начале второй мировой войны издание журнала было перенесено в США, а с ноября 1941 года там же началось издание специализированного журнала о России - « The Russian Review», ставшего после войны одним из главных советологических изданий.

Тем не менее, широкая публика, как в Великобритании, так и в США, почти не интересовалась Россией, а тем, кто был заинтересован в такого рода информации, крайне сложно было ее получить из тогдашней прессы и литературы. Революция, распространявшиеся повсюду слухи о зверствах большевиков и их намерении распространить революцию за пределы России, вызвали на Западе, особенно в США, страх, достигший пика в 1919 году. Разумеется, общественное мнение в США и Великобритании в отношении России не могло быть однородным, и негативное отношение к Советской России одних групп населения соседствовало с неопределенным, а иногда и симпатизирующим отношением других (часть рабочих, левая интеллигенция, некоторые бизнесмены, заинтересованные в экономических связях с Россией). В то время как США официально не признавали Советское правительство до 1933 года, а британские консерваторы – до 1924 года, американское и британское общественное мнение медленно эволюционировало от преимущественно негативного к преимущественно позитивному в 30-е годы. Этому способствовали такие факторы, как устойчивость советской власти, НЭП, успехи советской экономики на фоне мирового экономического кризиса и активная коммунистическая пропаганда.

Советологические исследования 20-х – 30-х годов создавались в основном не профессиональными историками, а преимущественно журналистами, политическими и общественными деятелями,

экономистами и социологами.²⁹ Значительная часть исследований принадлежала перу авторов-эмигрантов. Эта литература, написанная по свежим следам, эмоциональная, отражающая то или иное отношение авторов к советскому режиму, их стремление вынести, прежде всего, моральную оценку событиям в России, относится скорее к разряду публицистики, чем к серьезным историческим исследованиям. Однако, в 30-е годы появилось несколько действительно весомых работ, среди которых следует отметить в первую очередь исследования Уильяма Генри Чемберлина и Луиса Фишера.³⁰ В частности книга Чемберлина стала первым объективным и полным, основанным на многочисленных и разнообразных источниках, трудом о русской революции, оказав в дальнейшем влияние на поколения советологов.

Оценивая развитие в США и Великобритании как славяноведения в целом, так и руссиеведения и советоведения в частности в довоенный и военный период, можно заметить, что эта сфера научных исследований почти целиком оставалась делом энтузиастов, которые в силу разных причин считали изучение истории и культуры славянских стран, и в первую очередь России, совершенно необходимым. Они собирали книги, создавали библиотеки, научные общества, факультеты и отделения славяноведения при университетах и колледжах, устанавливали друг с другом контакты, искали спонсоров, доказывая на каждом шагу, что они занимаются действительно серьезным делом. Ни широкие массы, ни правительства западных стран существенного интереса к России и Восточной Европе не испытывали.

Во второй главе рассматривается процесс становления советологии в качестве самостоятельной научной дисциплины, с собственным предметом исследования, научно-исследовательскими центрами, кадрами специалистов и широким финансированием. Процесс этот занял по времени приблизительно 20 – 25 послевоенных

²⁹ Bullitt W. The Bullitt Mission to Russia. N.Y., 1919; Williams A. R. Lenin, the Man and his Work. N.Y., 1919; Ransome A. Russia in 1919. N.Y., 1919; Hindus M. The Russian Peasant and the Revolution. N.Y., 1920; Spargo J. Bolshevism, the Enemy of Political and Industrial Democracy. N.Y.- L., 1919; Idem. "The Greatest Failure in All History." A Critical Examination of the Actual Workings of Bolshevism in Russia. N.Y., 1920; Idem. The Psychology of Bolshevism. N.Y.-L., 1919; Strong A. L. The First Time in History. Two Years of Russia's New Life (August 1921-December 1923). N.Y., 1924; Nearing S. Education in Soviet Russia N.Y., 1926; Schuman F. L. American Policy toward Russia since 1917. N.Y., 1928 etc.

³⁰ Chamberlin, W. H. The Russian Revolution. 2 vols. New York, 1935; Fisher, L. The Soviets in World Affairs: A History of Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917 - 1929. Princeton, 1931.

лет. В это время создаются основные советологические центры при крупнейших университетах США: Русский институт в Колумбийском университете (1946), Русский исследовательский центр в Гарварде (1948), Центр славянских и восточноевропейских исследований в Калифорнийском университете (Беркли) и другие. В Великобритании расширяются существовавшие до войны славяноведческие центры в Лондоне и Ливерпуле и появляются новые – в Глазго, Бирмингеме и Оксфорде.³¹

Тем не менее, после войны США прочно перехватывают пальму первенства в развитии советологических исследований у европейских стран. Советология становится приоритетным направлением в американском славяноведении, в то время как в Великобритании ученые–славяноведы все еще пребывают в «филологическом трансе».³²

В США изучение Советского Союза, по мере его превращения из союзника в потенциального противника, а затем и врага номер один, стало не личным, а воистину государственным делом. Если до войны главный акцент в изучении России и Восточной Европы делался на истории и филологии, то теперь он смещается на политику и стратегические исследования. В Гарварде акцент делается на изучении советской экономики (А. Бергсон, А. Гершенкрон, Дж. Берлинер), в Колумбийском университете и в Центре стратегических исследований Джорджтаунского университета – на политике и идеологии (З. Бжезинский и др.). Успешно развивается в 50-е – 60-е годы и программа региональных исследований, разработанная еще в годы войны и ставящая своей целью комплексную подготовку высококлассных специалистов по разным регионам мира, в первую очередь по СССР и Китаю³³.

Как уже отмечалось выше, одной из главных проблем в развитии исследований по России и СССР до и во время второй мировой войны была проблема финансирования. Со второй половины 1940-х годов советология уже не нуждалась в средствах, напротив, университеты и исследовательские институты, ведущие исследования, связанные с СССР и странами советского блока, получали значительное количество грантов от частных корпораций Рокфеллера, Карнеги и Форда, а также из правительственных фондов, таких как фонды ВВС и ЦРУ. За счет этого университеты получили возможность увеличить выпуск

³¹ Frank V.S. *Soviet Studies in Western Europe (Britain)*// *The State of Soviet Studies*. W.Laqueur and L.Labedz, eds. Cambridge (MA), 1965. P.53.

³² *Ibid.* P. 55

³³ Cowan L.G. *A History of the School of International Affairs and Associated Area Institutes*. Columbia University. N.Y. :Columbia University Press, 1954. P.3-8.

специалистов по Советскому Союзу, многие из которых направлялись на правительственную службу. Полученные средства надо было отрабатывать, и советологические исследования концентрировались вокруг актуальных политических проблем. Большинство исследователей отмечает, что практически все советологические центры в США были связаны с разведывательными органами и военно-промышленным комплексом. Многие советологи, такие, как Дж. Робинсон, А. Бергсон, М. Фэйнсод, или пришли в науку из разведки, или переходили на работу в ЦРУ из университетов (как правило, временно, на 2-3 года, в соответствии с уставом университета). Таким образом, в 50-е годы можно говорить не просто о влиянии «холодной войны» на американскую советологию, но и о том, что она сама становится одним из орудий «холодной войны».

Как раз в это время и возникает знаменитая теория "советского тоталитаризма". Историки - "тоталитаристы" (Адам Улам, Мерл Фэйнсод, Уильям Лакер и др.)³⁴ в методологическом отношении основывали свои труды на работах известных политологов, таких, как Ханна Арендт, Збигнев Бжезинский, Карл Фридрих, Алекс Инкелес, которые, собственно, и разработали главные принципы этой концепции.³⁵ Суть ее заключается в утверждении о тоталитарной природе Советского государства, его принципиальной неизменности, абсолютной верхушечности советской политики. С точки зрения "тоталитарной" концепции, Октябрьская революция 1917 года была переворотом, совершенным кучкой большевиков, не имевших сколько-нибудь прочной опоры в массах и поэтому вынужденных удерживать власть с помощью террора.

Одним из главных принципов "тоталитарной" теории является принцип преемственности политической власти в СССР. С этой точки зрения ленинский режим несколько не противостоит сталинскому, а является его прямым предшественником. Классическую формулу такой преемственности сформулировал один из "отцов" концепции "советского тоталитаризма" М.Фэйнсод: "Из тоталитарного эмбриона неминуемо должен был развиваться тоталитаризм полностью сформировавшийся".³⁶ Движущей силой процесса развития советского общества была некая "внутренняя логика тоталитаризма" (тот же тезис в советском варианте звучал как "закономерность исторического развития

³⁴Fainsod M. *How Russia Is Ruled*. Cambridge, 1963; Ulam A. *The New Face of Soviet Totalitarianism*. N.Y., 1964; Laqueur W. *The Fate of the Revolution*. N.Y., 1967.

³⁵Arendt H. *The origins of Totalitarianism*. N.Y., 1951; Friedrich C., Brzezinsky Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, 1956; Inkeles A. *Social Change in Soviet Russia*. N.Y., 1971

³⁶Fainsod M. *How Russia Is Ruled*. Cambridge, 1963. P.59

от капитализма к социализму"), которая делала преемственность между ленинизмом и сталинизмом не только вероятной, но и неизбежной.

Таким образом, в период с конца 40-х до конца 60-х годов были достигнуты несомненные успехи в развитии советологии, как в США, так и в Великобритании: за короткий срок было подготовлено большое количество специалистов по Советскому Союзу и странам Восточной Европы, созданы исследовательские центры, специализированные периодические издания (*Problems of Communism, Communist Affairs, Studies in Comparative Communism, Survey, Soviet Studies*), в большом количестве издавались монографии, защищались докторские диссертации по Советскому Союзу. С другой стороны, почти вся советологическая продукция в это время, особенно в США, была проникнута духом антикоммунизма, что препятствовало объективному научному исследованию Советского Союза. Несмотря на некоторые модификации концепции «советского тоталитаризма», происходившие с конца 1950-х - начала 1960-х годов, и десятилетие спустя в советологии все еще сохранялся, по выражению С.Козна, «тоталитаристский консенсус». В результате в советологии начался кризис, проявившийся в наибольшей степени в США и вызванный целым рядом причин как политического, так и методологического характера. В это время в науку приходит новое поколение советологов, отвергнувшее старую «тоталитаристскую» парадигму и попытавшееся выработать новые, менее политизированные подходы к изучению советской истории.

Третья глава посвящена в основном попыткам преодоления кризиса в советологии в 70-е –90-е годы за счет расширения тематики исследований и изменения подходов к изучению советской истории, политики и экономики. Кризис советологии совпал по времени с политическим кризисом в США, вызванным войной во Вьетнаме и Уотергейтом. На волне довольно сложного по своему составу движения "новых левых" в США тенденция к пересмотру, или "ревизии", господствующего направления в советологии привела к рождению "ревизионистского" направления в историографии советского общества.

В противовес "тоталитарной" школе, ревизионисты занялись в основном изучением социальных, социально-политических и социально-экономических аспектов советской истории. Они начали разрабатывать такие проблемы, как социальная структура и социальная мобильность советского общества (Шейла Фитцпатрик), крестьянство и его самосознание (Моше Левин), протест "снизу" против Советской власти (Пол Аврич, Оливер Рэдки, Сет Синглтон и др.), положение и самосознание рабочего класса (Уильям Чейз, Хироаки Куромия и Льюис Зигельбаум), история советской культуры (Ш.Фитцпатрик,

Энтони Кемп-Уэлч, Ричард Стайтс).³⁷ В области политической истории ревизионисты сосредоточились на изучении различных оппозиционных течений внутри партии; в центре внимания оказались лидеры оппозиции - Троцкий, Бухарин, Коллонтай и другие, причем их оппозиционность часто преувеличивалась, либо причины ее понимались неверно, что привело к возникновению различных концепций "альтернативного развития" советской истории. Альтернативы связывались чаще всего с именами Л.Д.Троцкого (Э.Х.Карр, И. Дойчер) и Н.И. Бухарина (С.Коэн).
38

Перестройка принесла с собой новые проблемы для советологов, причем как для тоталитаристского, так и для ревизионистского ее направлений. Казалось бы, все карты в руки ревизионистам, - открылись советские архивы, появились неограниченные возможности посещать Советский Союз, проводить исследования в области социальной истории, общаться с советскими коллегами, следить за беспрецедентным ростом социальной активности в СССР. Но шло время, открывались все новые подробности сталинских преступлений, были пересмотрены цифры жертв режима, складывалась картина страшного геноцида русского народа и других народов СССР. Полученные в архивах данные явно противоречили ревизионистской концепции. Все это способствовало возрождению тоталитарной модели, а распад СССР как будто подтверждал один из основных тезисов тоталитаристов о том, что советская система нерепформируема в принципе, - она может быть только разрушена. Появляются новые советологические исследования, написанные в традиционном духе, в частности книги Ричарда Пайпса, Мартина Малия и Збигнева Бжезинского.³⁹

³⁷Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. N.Y., 1969; Avrich P. Kronstadt, 1921. N.Y.,1970; Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment. London,1970; Idem. Education and Social Mobility in the Soviet Union. Cambridge, 1979; Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N.Y., 1989.

³⁸ Carr E.H. A History of Soviet Russia; Deutscher I. The Prophet Armed. Trotsky: 1879 - 1921. N.Y., 1965; Idem.The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921 - 1929.N.Y., 1959; Idem.The Prophet Outcast. Trotsky: 1929 - 1940. N.Y., 1963; Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution. N.Y., 1973.

³⁹ Brzezinski Z. The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. N.Y., 1989; Pipes R. The Russian Revolution. N.Y., 1990 (рус.пер: Русская революция. В 2-х тт. М., 1994); Idem. Russia under the Bolshevik Regime. N.Y., 1993 (рус.пер.: Россия при большевиках. М.,1997); Malia M. The Soviet Tragedy. A History of Socialism in Russia, 1917-1991. N.Y., 1992.

Таким образом, советология 70-х – 80-х годов характеризуется острой борьбой между двумя основными направлениями: тоталитаристским и ревизионистским. Эти направления и сами отчасти меняются со временем, от них отпочковываются различные группы, не согласные с лидерами. Регулярно делались попытки встать «над схваткой», уйти от политических и идеологических споров, что проявилось в частности в деятельности советологов, разделяющих основные положения «теории модернизации» (Сирил Блэк, Тим Макдэниэл и др.). Многих известных советологов, особенно в Великобритании, сложно безоговорочно отнести к какому-либо направлению (например, Эдвард Карр, Исаак Дойчер, Питер Кенез, Роджер Петибридж и др.). В конце 80-х – начале 90-х годов советология оказалась в состоянии нового кризиса, отчасти совпавшего с общим кризисом науки и традиционных методов научного познания. Советологи, к тому же, с распадом Советского Союза лишились предмета своего исследования. В связи с этим вот уже 10 лет ведутся оживленные дискуссии о праве советологии на существование, о ее характере, предлагаются определения для обозначения современного состояния этой отрасли науки, типа «пост-советологии», «СНГ-логии» и т.п. Одной из попыток преодолеть этот кризис явилось использование методов постмодернизма, но в качестве научной методологии исторических исследований постмодернизм оказался в целом несостоятелен.

В заключении подводятся итоги исследования и содержатся обобщающие выводы.

Несмотря на то, что советология как самостоятельная научная дисциплина формируется в послевоенные десятилетия, ее истоки можно найти в англо-американском славяноведении предшествующих десятилетий, а также в советологических исследованиях 20-х – 30-х годов. Советология 40-х – 50-х годов, а также последующих десятилетий отличалась междисциплинарным характером и имела мощную правительственную поддержку и широкое финансирование, как из правительственных, так и частных фондов, – Форда, Карнеги и Рокфеллера. В результате были созданы крупные исследовательские центры, подготовлено большое количество специалистов по СССР.

В то же время, на волне «холодной войны», в советологии утвердилась и господствовала до конца 60-х в высшей степени политизированная так называемая тоталитарная теория советской истории, для которой был характерен, как правило, крайний антикоммунизм. На рубеже 60-х – 70-х годов эти взгляды были в западной академической среде существенной ревизии, в результате появилось «ревизионистское» направление в советологии, делавшее

акцент на социальной истории в противовес «тоталитаристам», изучавшим по преимуществу историю политическую.

Таким образом, развитие советологии в 70-е – 80-е годы шло под флагом борьбы между двумя вышеуказанными направлениями. В то же время следует учитывать, что эти направления не были внутренне монолитными, так же, как и не всех советологов можно безоговорочно причислить к одному из направлений. На рубеже 80-х - 90-х годов советология вновь оказалась в состоянии глубокого кризиса, одним из путей преодоления которого является углубление сотрудничества между западными и российскими историками.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Переход Советской страны к НЭПу в освещении англо-американских советологов (к историографии вопроса)// Проблемы отечественной истории. Ярославль, 1986. Деп. в. ИНИОН АН СССР от 21.10.86, № 27177. 8 с.
2. Англо-американские фальсификации классовой борьбы в деревне в период восстановления народного хозяйства (1921-1925)// Великий Октябрь и первые годы социалистического строительства (1917-1925). Ярославль, 1987. 7 с.
3. Укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в период восстановления народного хозяйства в интерпретации англо-американских фальсификаторов. // Актуальные проблемы истории СССР и всеобщей истории в свете решений XXVII КПСС. Ярославль, 1988. 2 с.
4. Концессионная политика Советского государства в англо-американской историографии // Актуальные проблемы исторической науки. Тезисы докладов V областной научно-практической конференции молодых ученых. Ярославль, 1990. 2 с.
5. Англо-американская историография о государственном капитализме в СССР.// Высшая школа и историческая наука: историография, источниковедение, методика. Кострома, 1991. 2 с.
6. Советское государство 1920-х гг. в зарубежной историографии.// Проблемы истории советского общества. Вузовский сб. Ярославль, 1991. Ч.2. Деп. в ИНИОН АН СССР от 30.07.91, № 45232. 6 с.

7. Современная американская и российская историография истории России XX века: некоторые проблемы развития и взаимодействия// Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук: Исторические науки: Тезисы юбилейной конференции Ярославль, 1995. 4 с.
8. Материалы по русской истории в архиве Гуверовского института войны, революции и мира// Архивы: история и современность: Материалы докладов научно-практической конференции. Ярославль, 1999. 3 с.
9. У истоков советологии: история создания журнала «Russian Review» (США)// Век нынешний, век минувший...: Исторический альманах. Ярославль, 1999. 12 с.
10. Становление и этапы развития западной советологии: Текст лекций Ярославль, 2000. 68 с.
11. Красный фашизм? (К вопросу о сравнительной характеристике нацизма и сталинизма в западной советологии) // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук на пороге XXI века (История). Сборник тезисов юбилейной научной конференции, посвященной 30-летию Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. - Ярославль, 2000. 4 с.